

служили отпущение всех грехов. И она не ведала, сколь велика благодать господня, который кровью сына своего искупил грехи наши и простил нас, даровав милостью своею всем грешникам жизнь. Несчастливая пришла в такое смятение и поступок ее показался ей таким чудовищным и непоправимым – ведь, совершив его, она осквернила им любовь свою к мужу и честь дома, – что печаль совсем извела ее. и она впала в такое отчаяние, что стала ждать смерти, думая, что смерть одна избавит ее от муки. Она не только совсем забыла, что истой христианке всегда должно уповать на бога, но и лишилась способности рассуждать здраво и была как помешанная. И в конце концов не будучи в состоянии вынести своего горя, доведенная до крайности отчаянием, не помышляя ни о боге, ни о собственном благе, в неистовстве своем схватила шнур от полога и удавилась. И на беду, в последние минуты жизни, когда тело ее содрогалось в предсмертных судорогах, она нечаянно ударила ногою в лицо несчастного малютку, который не перенес этого и умер тотчас же вслед за своей страдальницей-матерью, но перед смертью так вскрикнул, что спавшая в соседней комнате служанка проснулась, прибежала в комнату и зажгла свечу. И когда она увидела, что госпожа ее висит мертвая, а ребенок у нее под ногами и уже не дышит, она в ужасе кинулась в комнату брата погибшей и привела его взглянуть на эту страшную картину.

Брат этой женщины, горячо любивший сестру, совсем обезумел от горя и спросил служанку, кто мог совершить столь страшное преступление. Служанка ответила, что ничего не знает и что, кроме господина ее, в комнату никто не входил, он же совсем недавно оттуда вышел. Тогда его шурина побежал к нему в комнату и, не найдя его там, решил, что не кто иной, как он, – виновник всего этого злодеяния. Он не стал больше ни о чем спрашивать, вскочил на лошадь и помчался за несчастным мужем, которого вскоре повстречал на дороге: тот погнался за монахом, но, так и не настигнув его, возвращался домой, раздосадованный неудачей. Едва только завидев его, шурина закричал:

– Защищайся, подлый негодяй. И да поможет мне бог отомстить тебе за все этой шпагой.

Дворянин пытался было объясниться, но, увидев, что в руке его шурина блеснула шпага, понял, что объясняться с ним уже не придется и надо себя защищать. И они так жестоко схватились и нанесли друг другу столько ударов, что оба ослабели от потери крови и им пришлось опуститься на траву, чтобы передохнуть. И тогда, немного придя в себя, дворянин спросил шурина:

– Послушай, брат мой, мы всегда ведь были с тобою дружны. Что же заставило тебя накинуться на меня с такой жестокостью?

– Скажи лучше, что заставило тебя убить мою сестру, достойнейшую из женщин. Да еще так подло: под предлогом того, чтобы проспать с ней ночь, ты забрался к ней в комнату и повесил ее на шнуре от полога.

Услышав эти слова, дворянин побледнел как смерть. Он подсел к шурина и, обняв его, проговорил:

– Что ты говоришь? Да может ли это быть?

И когда тот уверил его, что это действительно так, сказал ему:

– Прошу тебя, брат мой, выслушай меня – и ты узнаешь, что заставило меня в ночное время уехать из дома.

И он рассказал ему о подлом поступке монаха. Шурина его был поражен тем, что услышал, и велико было его горе оттого, что он столь безрассудно напал на несчастного. И, прося прощения, он сказал:

– Я виноват перед тобою, брат мой, прости меня.

– Я тоже виноват перед тобой, но за свою вину я уже получил сполна, рана моя так тяжела, что часы мои сочтены.

Шурина с трудом посадил его на лошадь и отвез домой. А когда наутро дворянин скончался, он сам объявил всем родным, что виновен в его смерти. И все решили, что он должен поехать к королю Франциску Первому просить о помиловании. После чего, похоронив, как подобало, всех троих – зятя, сестру и ребенка их, – он в страстную пятницу отправился ко двору короля просить, чтобы его помиловали. Несчастный обратился с этой просьбой к метру Франсуа Оливье,³²⁸ который добился для него королевской милости, ибо означенный Оливье был тогда канцлером Алансонским, а затем за большие заслуги король произвел его в канцлеры Франции.

³²⁸ Метр Франсуа Оливье – видный в свое время юрист; он был назначен канцлером Франции в 1545 г.